

АНТРОПОЛОГИЯ СССР: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Такое значительное событие в истории нашей страны как 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции заставляет оглянуться на прошлое и попытаться подвести известные итоги деятельности в разных сферах человеческого творчества. Антропологические исследования не составляют исключения: они охватили практически почти все народы нашей страны, продолжались, хотя и в значительно уменьшенном объеме, даже во время Великой Отечественной войны, всегда тесно увязывались с изучением происхождения народов — проблемой, не только имеющей академический интерес, но всегда волновавшей людей любых стран и эпох.

СССР — уникальная территория для проведения антропологических исследований. Это объясняется рядом причин: помимо двух крупных расовых стволов — европеоидного и монголоидного, здесь много локальных расовых комплексов, огромное разнообразие этнических групп. Эти причины — синхронные. Из диахронных причин следует назвать интенсивную динамику этнической ситуации в ходе времени, обусловившую активность этнических контактов и межрасового смешения, и стимулированную многообразием ландшафтно-экологических ниш контрастность хозяйственных укладов, вызывавшую демографическое давление и миграционные процессы.

Антропологические исследования, начавшиеся в середине прошлого века с деятельности такого крупного представителя отечественного естествознания как К. М. Бэр, с самого начала охватили народы и этнические группы разной расовой принадлежности. Это способствовало сравнению разных народов по физическим признакам и использованию антропологических наблюдений в решении этногенетических проблем. Таким образом, изучение антропологического состава России и СССР постоянно имело этногенетическую направленность, проводилось в тесной связи с археологическими и историко-этнологическими исследованиями. Антропология, этнография и география и идейно, и организационно образовывали знаменитую «анучинскую» триаду. География позднее выделилась из этой триады, но связь антропологии с этнографией сохранилась.

Когда появилось первое сводное сочинение А. А. Ивановского об антропологии России¹, русская читающая публика восприняла его как первый свод сведений об антропологическом составе народов, населяющих нашу страну, без каких-либо попыток понять, в каких генетических взаимоотношениях эти народы находятся по отношению друг к другу. Между тем уже в начале нашего века антропологические знания не представляли собою чего-то случайного; информация о происхождении многих народов опиралась на антропологические данные, имелись и материалы о территориальных вариациях народов с большим ареалом расселения, внутри которых были представлены те или иные этнографические группы. К сожалению, сводка А. А. Ивановского целиком опиралась на измерительные характеристики, и поэтому она сообщала заведомо неполные сведения о происхождении народов, так как одно измерение, как потом выяснилось, не в состоянии дать сколько-нибудь надежных сведений о генезисе сопоставляемых групп, их метрическое сходство мало информативно с генетической точки зрения, и их генезис в гораздо большей степени отражается в структурных особенностях человеческого организма.

Это важное обстоятельство осознавалось в России и раньше, в частности при подготовке известной Антропологической выставки 1879 г.,

¹ *Ивановский А. А. Об антропологическом составе населения России*//Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. CV. М., 1904.

организованной А. П. Богдановым. Собранные тогда обширные антропологические данные были подробно опубликованы и содержали в ряде случаев интересные наблюдения над строением мягких тканей лица и пигментацией, но основное место в публикациях этих материалов занимали все же измерительные данные. Пожалуй, основное отличие сводной работы А. А. Ивановского от предшествующих состояло в том, что в связи со вставшими перед ним целями по возможности полно представить доступную информацию и провести сравнение между антропологически исследованными народами, он не только использовал измерительные характеристики, что многократно, как уже говорилось, делалось и до него, но прибегнул к формальной статистической процедуре их сопоставления. Это в конечном итоге и привело его к неудаче, подобной той, с которой позже столкнулись английские и американские антропологи, суммируя вариации разных признаков без учета их изменчивости. Поэтому книга А. А. Ивановского встретила либо сдержанную, либо даже суровую оценку современников и надолго предопредила в русской, а частично и в советской антропологии негативный подход к формализованным методам анализа антропологического материала. Но так или иначе книга эта и сейчас остается в истории антропологической науки первой сводкой и попыткой интерпретации антропологических данных по народам России, выпукло показавшей уже в начале нашего столетия большой объем и разнообразие собранной информации. Библиография к ней составляла около 900 наименований.

После работы А. А. Ивановского последовал перерыв практически в 30 лет, на протяжении которых не делалось попыток сведения антропологических данных по территории России и СССР в целом, но были опубликованы работы по антропологии населения европейской части России и СССР. Замечательное исследование Е. М. Чепурковского охватило почти все этнографические группы русского народа², но оно опиралось на анализ географических вариаций лишь нескольких признаков и не ставило своей целью составление суммарной сводки. Почти через 20 лет попытка Е. М. Чепурковского была повторена В. В. Бунаком³, но и он не охватил максимума доступных данных. Характеристика выделенных локальных комбинаций признаков стала за 20 лет богаче и полноценнее, много внимания было уделено вариациям мягких тканей лица для диагностики локальных популяций, но это имело и обратную сторону — недостаточность измерительных характеристик и известную субъективность в оценке генетических взаимоотношений выделенных форм, совсем не опиравшейся на количественные расчеты.

Стремление уравновесить роль качественного описания и количественного подхода в выделении, таксономии и эволюции локальных расовых вариантов на территории СССР характерно для второй и последней по времени выхода в свет сводки данных по антропологии СССР, специально нацеленной на палеоантропологический материал и его исчерпывающий охват — речь идет о книге Г. Ф. Дебеца по палеоантропологии СССР⁴. Книга эта, опубликованная после Великой Отечественной войны, была закончена в довоенное время и издана без всяких изменений, поэтому в ней не учтен ряд публикаций, появившихся в последний предвоенный год и сразу же после войны. Тем не менее она на долгие годы сохранила значение в качестве энциклопедической сводки данных, до какой-то степени сохраняет значение и сейчас в их интерпретации. Автор ввел в научный оборот большое количество материалов, им лично исследованных, но одновременно обобщил и всю имевшуюся к тому

² Чепурковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами//Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. СХХIV. М., 1913. Вып. 2.

³ Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas//Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. Bd XXX. 1932. № 3.

⁴ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. IV. М.; Л., 1948.

времени литературную информацию: критики недаром указывали на богатство привлеченных литературных источников и их умелое использование. Всего в отдельных главах книги Г. Ф. Дебеца содержатся ссылки примерно на 400 работ — статей и книг, что само по себе свидетельствует об обилии и разнообразии палеоантропологического материала с территории СССР, собранного уже почти 50 лет тому назад.

Сводка Г. Ф. Дебеца имела многостороннее влияние на последующее развитие не только палеоантропологических, но и антропологических исследований в нашей стране. Она, безусловно, стимулировала палеоантропологический поиск, активизировав обработку отдельных палеоантропологических коллекций и на многие годы, как уже говорилось, предопределив основные контуры их интерпретации. Само накопление палеоантропологических коллекций пошло гораздо более быстрыми темпами, так как археологи увидели реальную историческую и этногенетическую пользу их изучения и стали внимательно относиться к сохранению и консервации человеческих скелетов во время раскопок. В то же время общий обзор палеоантропологии СССР выявил «белые пятна» на палеоантропологических картах и показал круг спорных или неполностью выясненных проблем. Заполнение этих «белых пятен» и решение этих проблем требовало специальной монографической, локально организованной работы, которая на долгие годы и заняла внимание советских специалистов. Поэтому крупных изданий, которые охватывали бы антропологию всей территории Советского Союза не появлялось после 1950-х годов, но было опубликовано большое число монографий по региональной антропологии, углубленно трактующих проблемы генезиса и хронологической динамики антропологического состава отдельных обширных областей.

В результате многолетних исследований в разных районах России и СССР и усовершенствования антропологической методики интенсифицировались способы сбора антропологических данных в полевых условиях, были разработаны методы их качественной и количественной интерпретации, расширена программа самих исследований. Описание внешних физических различий между народами наряду со сбором краниологических и остеологических данных дополняются теперь микроморфологическими наблюдениями, разнообразными функциональными характеристиками, изучением активных в адаптивном отношении белков кровяной сыворотки, гистологическим и физиологическим анализом волосяного покрова, определением многочисленных генетических маркеров⁵. Разработка проблем антропологии СССР ведется, следовательно, не только на сугубо морфологическом, но и на морфофизиологическом и популяционно-генетическом уровнях.

Прежде чем перечислять монографические работы, посвященные отдельным территориям, уместно отметить то общее, что их объединяет, и то своеобразное, что характерно для каждой из них. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в каждой работе отразилось стремление авторов к исчерпывающей полноте использованных данных. Поэтому не только суммировались результаты обработки уже хранившихся в музейных собраниях палеоантропологических и краниологических коллекций, но и организовывался сбор новых материалов, кроме того при изучении антропологического состава все больше внимания уделялось выбору групп и охвату локальных антропологических вариантов: антропологические особенности каждого народа получали при этом характеристику не в целом, а на основе рассмотрения вариаций многих

⁵ Методика всех этих работ более или менее стандартна и описана в ряде классических руководств. Укажу на некоторые книги, вышедшие на русском языке: Методика антропологических исследований (под ред. В. В. Бунака). М.; Л., 1931; Бунак В. В. Антропометрия. Практический курс. М., 1941; Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964; Гладкова Т. Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. М., 1966; Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966; Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968; Методика морфофизиологических исследований в антропологии. М., 1981.

территориальных групп. Подобный подход, несмотря на обычную выборочность и фрагментарность палеоантропологических материалов, постепенно проникал и в палеоантропологию, обусловив отказ (в тех случаях, когда это было возможно) от использования данных по суммарным сериям и преимущественное внимание к сопоставлению данных по отдельным могильникам. Таким образом, популяционное богатство территориальных вариаций внутри современного населения находило генетическое истолкование с помощью учета популяционных вариаций внутри древних этнических общностей.

Помимо стремления к полноте использования данных не менее четко выражена в региональных монографиях и тенденция к их историческому и этногенетическому толкованию, к максимальной полноте информации, которую можно извлечь из антропологического исследования по вопросам генетических взаимоотношений народов, их этнической истории и поздних контактов. Кроме чисто теоретической разработки этой проблематики на материалах по антропологии народов СССР, все без исключения региональные монографии содержат либо самостоятельные главы, либо отдельные параграфы, заключающие изложение и специально освещающие происхождение народов на основе результатов антропологического исследования. Большое место занимает в них и сопоставление этих результатов с историко-этнологическими, лингвистическими и археологическими данными, показавшее очень сложные взаимоотношения между культурными, языковыми и антропологическими характеристиками любого народа в исторической ретроспективе и вообще обогатившие картину конкретных этногенезов многими деталями, о которых никто не подозревал раньше. Конкретно-историческая и историко-этнологическая роль антропологических материалов как по древнему, так и по современному населению была выявлена и подчеркнута региональными сопоставлениями в еще большей степени, чем при территориальном сравнении в пределах всего Советского Союза.

Здесь уместно подчеркнуть, что вся эта огромная работа была бы невозможна, если бы речь шла лишь о столичных учреждениях. В центре внимания Отделов антропологии Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде и Института антропологии при МГУ стояло и стоит исследование наиболее общих проблем антропологического состава многочисленных народов СССР, изучение древнего населения на основе палеоантропологических материалов, получаемых при раскопках древних могильников, эффективное использование всех этих данных для выяснения происхождения, генетических связей, исторических судеб современных и древних народов. Работа эта проводилась и проводится сейчас в тесном контакте с археологами, этнографами и всеми специалистами, изучающими прошлое нашей страны. Непосредственно участвуют в ней, уделяя основное внимание более локальным темам, специалисты-антропологи из антропологических центров республиканских академий — в Таллине (Институт истории АН Эстонской ССР), в Риге (Институт истории АН Латвийской ССР), в Киеве (Институт археологии АН Украинской ССР), в Минске (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН Белорусской ССР), в Тбилиси (Институт истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР), в Баку (Институт истории АН Азербайджанской ССР), в Алма-Ате (Институт истории и археологии АН Казахской ССР), в Душанбе (Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР), в Самарканде (Институт археологии АН Узбекской ССР). Успешно функционируют небольшие, но активные антропологические центры в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР и в Томском государственном университете.

После появления серии работ по палеоантропологии и антропологии современного населения Восточной Прибалтики их итог был подведен монографией М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова⁶. Она со-

⁶ Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики // Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 2. М., 1959.

держала оригинальные данные по современному населению, до сих пор не потерявшие своего значения и составляющие основу антропологической характеристики литовцев, латышей и эстонцев. Данные эти были собраны в многочисленных экспедициях в послевоенные годы. Но кроме публикации этих данных в книге был дан обзор палеоантропологии Восточной Прибалтики, опирающийся как на итог обработки имевшихся тогда краниологических коллекций с территории Эстонии и Литвы, так и на сводку литературных данных. Собранные Р. Я. Денисовой обширные материалы по соматологии современного населения остаются пока неопубликованными, но ее столь же обширные исследования в области палеоантропологии Латвии уже нашли отражение в двух книгах⁷. После того, как будет опубликована уже подготовленная к печати сводка Г. А. Чесниса по палеоантропологии Литвы, именно эти книги и составят основу наших знаний о динамике антропологического состава древнего населения Восточной Прибалтики.

В изучении русского народа огромную роль сыграла серия экспедиций, организованных В. В. Бунаком и возглавлявшихся Т. И. Алексеевой. Написанная коллективом авторов и вышедшая под редакцией В. В. Бунака книга не только ввела в научный оборот массу данных по вариациям антропологических признаков в отдельных территориальных группах русского народа (их было исследовано более 100), но и суммировала все предшествующие материалы⁸. Главы этой книги, написанные Т. И. Алексеевой, позже были развернуты в монографию об этногенезе восточнославянских народов, содержащую исчерпывающую сводку данных по палеоантропологии восточных славян эпохи средневековья и сопоставление и сводку соматологических материалов по всем народам Восточной Европы⁹. Полностью были исследованы и суммированы в специальном издании музейные коллекции по краниологии современного или близкого к современности населения Восточной Европы¹⁰. Антропологии украинцев посвящена книга В. Д. Дяченко¹¹, белорусам — серия монографий белорусских антропологов¹².

Изучение современного и средневекового населения, естественно, не исчерпывало всех проблем антропологии Восточной Европы. Монографии написаны и по региональным палеоантропологическим материалам, причем каждая содержит обширную сравнительную информацию¹³. Все эти работы отличает достаточно тщательное морфологическое описание палеоантропологических коллекций, потребовавших порою большой рес-

⁷ Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975; *ее же*. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига, 1977.

⁸ Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным // *Тр. Ин-та этнографии АН СССР*. Т. 88. М., 1965.

⁹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

¹⁰ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.

¹¹ Дяченко В. Д. Антропологичний склад українського народу. Київ, 1965.

¹² Саливон И. И., Тегако Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976; *их же*. Антропология Белорусского Полесья. Минск, 1978; *их же*. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск, 1981; Тегако Л. И., Саливон И. И. Экологические аспекты в антропологических исследованиях на территории БССР. Минск, 1982.

¹³ Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; Гохман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М., 1966; Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967; *ее же*. Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. Киев, 1973; Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972; *ее же*. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973; *ее же*. Физический тип людей нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казачье). М., 1979; Круц С. И. Население территории Украины эпохи меди — бронзы по антропологическим данным. Киев, 1972; *ее же*. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984; Якимов В. П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // *Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР*. Т. XIX. М.; Л., 1960.

таврационной работы, но основное если не по объему, то по значимости место занимает в них реконструкция процессов расогенеза, получение сведений о генетических взаимоотношениях древних популяций и их дифференциации. В сопоставлении с археологическими характеристиками соответствующих памятников, из которых были получены палеоантропологические серии, решались в этих работах и вопросы этногенеза. Таким образом, весь процесс расообразования в Восточной Европе, начиная с эпохи мезолита и кончая современностью, охвачен конкретными исследованиями и нашел в них достаточно полное и адекватное отражение.

Переходя к Кавказу, отличающемуся исключительной этнической пестротой, нужно подчеркнуть, что антропологическое изучение его было организовано с максимальным охватом всех этнических подразделений внутри крупных народов¹⁴. Палеоантропологические материалы могли бы быть более полными, многие коллекции из хронологически разновременных погребальных комплексов Северного Кавказа находятся в процессе обработки и еще ждут своей публикации, но уже описаны довольно значительные разновременные серии из Самтаврского могильника¹⁵ и погребений в районе Мингечаурского водохранилища¹⁶. В настоящее время наличные палеоантропологические материалы с территории Грузии, включающие и повторно исследованные материалы из Самтаврского могильника, которые сейчас точно датированы, описаны в серии книг М. Г. Абдушелишвили¹⁷. Опубликована сводка данных по палеоантропологии и краниологии Северного Кавказа, где проводятся аналогии с закавказскими материалами¹⁸, но она, как легко понять, не содержит ряда новейших данных, частично уже опубликованных в отдельных сообщениях, а частично готовящихся к публикации.

Значительным рубежом в подведении итогов антропологических исследований в Средней Азии была трехтомная книга Л. В. Ошанина¹⁹, но она к настоящему времени уже успела устареть, особенно, в палеоантропологической части. Известным дополнением к ней была сводная работа по палеоантропологии Средней Азии В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой²⁰, но и она охватила материал лишь на конец 1960-х годов. С тех пор обширные палеоантропологические коллекции были опубликованы с территории Узбекистана²¹, Таджикистана²² и Казахстана²³.

¹⁴ Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964. См. дополнительно исследования: Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965; *его же*. Антропология малых популяций Дагестана. Махачкала, 1971; Касимова Р. М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975.

¹⁵ Абдушелишвили М. Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1951.

¹⁶ Касимова Р. М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960.

¹⁷ Абдушелишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966; *его же*. Антропология населения Кавказа в позднантичном времени. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.); *его же*. Антропология населения Кавказа в раннеантичном и эллинистическом периоде. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.); *его же*. Антропология Кавказа в феодальный период. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.); *его же*. Антропология Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

¹⁸ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974; см. еще: Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана по данным краниологии. М., 1975.

¹⁹ Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1—3. Ереван, 1957—1959.

²⁰ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1974.

²¹ Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепе. Ташкент, 1977; *его же*. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980; *его же*. Палеоантропология Узбекистана эпохи средневековья. Ташкент, 1987; Ходжайов Т. К., Джуракулов М. Д. Антропология Средней Азии. Самарканд, 1984; Алексеев В. П., Ходжайов Т. К., Халилов Х. Х. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984.

²² Кияткина Т. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.

²³ Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата, 1980.

Соматологическая характеристика народов Средней Азии может быть осуществлена сейчас на гораздо более высоком уровне, чем это было в годы выхода в свет трехтомника Л. В. Ошанина. Собраны и опубликованы обширные данные по соматологии туркмен²⁴, охватывающие практически все этнотерриториальные группы туркменского народа, собраны и опубликованы аналогичные данные по казахам²⁵, а также по населению отдельных районов Таджикистана с популяционными выборками²⁶. Средняя Азия, следовательно, в антропологическом отношении изучена также достаточно подробно.

Две книги подвели итог антропологическому изучению Сибири и Дальнего Востока на конец 1940-х годов — Г. Ф. Дебеца об антропологических исследованиях Камчатской области²⁷ и М. Г. Левина о проблемах этногенеза народов Дальнего Востока на основе рассмотрения антропологических данных²⁸. Последняя была переведена на английский язык и издана в США²⁹, получила широкое распространение и долгие годы играла роль справочника и источника сведений о советских антропологических исследованиях для американских и западноевропейских специалистов.

В последние годы были проведены сотни региональных исследований и накоплена огромная информация как в области палеоантропологии, так и соматологии. Вся эта информация до сих пор остается практически несведенной исчерпывающим образом. Частично такое суммирование проведено в издании двух авторов, опубликованном в Западной Германии и затем в более полном виде на русском языке³⁰. В него введены и некоторые оригинальные палеоантропологические материалы, но ограниченные объемом авторы смогли свести в сколько-нибудь полном виде преимущественно палеоантропологическую информацию. Краниология и соматология рассмотрены лишь в очень общих чертах и еще ждут своего обобщения.

Палеоантропологией, краниологией современного населения и соматологией не исчерпывается, как уже говорилось, спектр исследований, посвященных антропологическому составу народов СССР. Огромное место, особенно в последние два десятилетия, заняло накопление мерологической информации, то есть информации о вариациях отдельных систем человеческого тела. В первую очередь речь идет о двух системах — вариациях строения и размеров зубов и строения ладонного и пальцевого рельефов. Изучение первой из этих систем применительно к популяционному, этническому и расовому уровню получило наименование этнической одонтологии, изучение второй системы в том же аспекте — этнической дерматоглифики. Изданная под редакцией А. А. Зубова книга обобщила весь накопленный к моменту ее подготовки материал по современному населению СССР³¹. Однако данные о древних популяциях не включены в нее и еще должны быть обобщены. Информации о дерматоглифических вариациях у народов СССР посвящена книга Г. Л. Хить³². В отличие от одонтологических исследований дерматогли-

²⁴ Бабаков О. Антропологический состав туркменского народа в связи с проблемой этногенеза (исследование современного населения). Ашхабад, 1977.

²⁵ Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана (соматологическое исследование). Алма-Ата, 1982.

²⁶ Дубова Н. А. Антропологический состав населения северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона. М., 1985 (депонент: УДК 572.9/575/).

²⁷ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XVII. М., 1951.

²⁸ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXXVI. М., 1958.

²⁹ Levin M. Ethnic Origins of the Peoples of Northeastern Siberia//Arctic Institute of North America, Anthropology of the North: Translations from Russian Sources. № 3. Toronto, 1963.

³⁰ Alexeev V., Gochman I. Physical Anthropology of Soviet Asia//Rassegeschichte der Menschheit. Lieferung 9. München — Wien, 1983; Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984.

³¹ Этническая одонтология СССР. М., 1979.

³² Хить Л. Г. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.

фика привлекала большое внимание, начиная с 1920-х годов, и книга Г. Л. Хитя содержит краткую сводку ранее опубликованной информации о дерматоглифических вариациях у народов СССР.

Интенсивное развитие генетики человеческих популяций практически также падает на последние десятилетия, так как оно оказалось возможным лишь с открытием значительного числа генетических маркеров. К настоящему времени накоплено и введено в научный оборот большое число данных по эритроцитарным факторам, и сывороточным белкам и ферментам в популяционных вариациях, но в этой области пока еще мало обобщающих работ и все они носят региональный характер³³. В общем весь даже уже изданный материал еще более настоятельно требует обобщения в географических рамках Советского Союза, чем данные других вышеперечисленных областей антропологических исследований.

То же можно повторить и о работах по физиологической антропологии. К настоящему времени изучено уже большое число территориальных выборок, и данные о многих из них опубликованы. Отдельные территории, как, например, Тува получили монографическое освещение³⁴. Материалы по народам СССР занимают значительное место в мировых сводках антропо-физиологических данных³⁵. Но здесь их роль все же не самостоятельная, а подчиненная. Между тем при разнообразии геохимической и экологической в широком смысле слова ситуации в пределах СССР и полноте уже осуществленной в полевых условиях программы исследований полученные данные могут претендовать на самостоятельную сводку, тем более что сопоставление их с историко-антропологической информацией позволит наметить хронологические этапы антропо-физиологической дифференциации популяций и идущих в них адаптационных процессов.

Произведенный по необходимости беглый обзор всего сделанного в области антропологии СССР оставил в стороне многие теоретические вопросы, которые ставились и решались в ходе региональных исследований и сведения данных по обширным областям нашей страны. Между тем эти теоретические вопросы охватывают многие стороны современного расоведения и исторической антропологии. География признаков с количественным выражением степени закономерности их пространственных вариаций, дисперсного или, наоборот, равномерного распределения, популяционная морфофизиологическая дифференциация и пути ее перехода на более высокий таксономический уровень — уровень локальных рас, способы сопоставления соматологических и палеоантропологических данных, оценка территориальной сопряженности вариаций отдельных признаков, т. е. выделение морфофизиологических территориальных комплексов, соотношение результатов применения в антропологии географического метода и методов многомерной статистики, последовательная реконструкция генсалогиических взаимоотношений между популяциями и группами популяций на разных хронологических уровнях, наконец, использование антропологических данных в качестве этногенетического источника — вот круг проблем, для решения которых накоплен громадный опыт при изучении антропологии СССР.

Оценивая наиболее масштабные события расо-генетической истории нашей страны, следует в первую очередь сказать о тех из них, которые не фиксируются никакими видами исторических источников. Палеоантропологический материал демонстрирует нам массовое расселение ев-

³³ См.: *Шереметьева В. А., Рычков Ю. Г.* Популяционная генетика народов северо-восточной Азии. М., 1978; *Исмагулов О.* Этническая геногеография Казахстана (серологические исследования). Алма-Ата, 1977; *Спицын В. А.* Биохимический полиморфизм человека. М., 1985. Можно еще назвать книги, посвященные географически гораздо более узкой территории: *Данилова Е. И.* Гематологическая типология и вопросы этногенеза украинского народа. Киев, 1971; *Старовойтова Р. А.* Этническая геногеография Украинской ССР (гематологическое исследование). Киев, 1979.

³⁴ Антропо-экологические исследования в Туве. М., 1984.

³⁵ *Алексеева Т. И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977; *ее же.* Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

ропеонидов на восток по степной полосе Евразии в эпоху энеолита и бронзы. Это расселение европеоидов дошло на востоке до Прибайкалья и центральных районов Монголии. Весьма вероятно, что оно началось в эпоху неолита и даже в еще более раннее время, но для доказательства этого положения в нашем распоряжении нет прямых аргументов в виде верхнепалеолитических находок. Их поиски — научная задача археологии и палеоантропологии как южных районов СССР, так и Центральной Азии. Любопытно отметить, что в свое время это масштабное расселение европеоидов на восток вплоть до эпохи бронзы постулировалось, исходя из косвенных данных³⁶, и лишь в последние годы получило конкретное фактическое подтверждение³⁷.

Изучение палеоантропологических материалов с территории СССР фиксирует и обратный процесс — широчайшее расселение монголоидов на запад от их современного ареала, начиная примерно с середины I тыс. н.э. Этот процесс нашел отражение в археологических данных и исторических источниках, но палеоантропология раздвигает его хронологические границы и позволяет достаточно точно оценить его демографический эффект в рамках взаимодействия кочевников и оседлого населения Восточноевропейской равнины. Еще несколько веков назад (XV—XVII вв.) на юге левобережной Украины мы застаем монголоидные популяции³⁸, а монголоидная примесь восточного происхождения в составе восточноевропейских и центральноевропейских народов может быть отмечена вплоть до бассейна среднего течения Дуная³⁹.

Однако значение антропологических данных в историческом отношении не исчерпывается определением направлений и масштабов древних миграций на территории СССР. В американской историко-этнологической литературе была аргументирована гипотеза циркумполярной культуры, в соответствии с которой народы арктической зоны Евразии и Америки сформировались под сильнейшим влиянием адаптации к экстремальным арктическим условиям, за счет этой адаптации можно объяснить их культурное сходство⁴⁰. Сходство это относительно и поэтому гипотеза сразу же встретила критику со стороны этнографов⁴¹. Перекочевав в нашу литературу, гипотеза циркумполярной культуры модифицировалась и приобрела генетические черты, циркумполярная общность стала рассматриваться как наследие генетически общего исходного субстрата, в древности вошедшего в состав всех арктических народов⁴². В этой форме она практически вышла из-под контроля лингвистических и этнографических сопоставлений, не имеющих для северных областей глубокой хронологической ретроспективы. Антропологическое сравнение арктических народов Евразии и Америки сразу же вскрывает полную искусственность этой гипотезы: и на морфологическом, и на популяционно-генетическом уровнях они оказываются глубоко различными и относятся к разным расовым обществам⁴³. В связи со сказанным особое значение приобретают результаты популяционно-генетического исследования аборигенных народов Сибири и советского Дальнего Востока. Они показывают огромную роль изолирующих механизмов в формировании антропологических особенностей отдельных народов и эт-

³⁶ Алексеев В. П. Современное состояние краниологических исследований в расоведении // Вопросы антропологии. Вып. 30. 1968.

³⁷ Предварительная сводка данных: Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Э. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха бронзы) // Археология, антропология и этнография Монголии. Новосибирск, 1987.

³⁸ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.

³⁹ Сводка данных, теперь уже несколько устаревшая: Тот Т., Фириштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.

⁴⁰ Обзор литературы см.: Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

⁴¹ Там же.

⁴² Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.

⁴³ Алексеев В. П. Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

нографических групп⁴⁴. В то же время низкий уровень развития производительных сил обуславливал зависимость от достаточно жестких условий среды, что при малочисленности изолированных групп вызывало интенсивное давление отбора⁴⁵. В результате обширные ареалы фиксированы по тем или иным генам, то есть в пределах этих ареалов этнически разное население отличается нулевой или стопроцентной концентрацией соответствующих аллелей⁴⁶.

Нужно подчеркнуть, что изучение антропологического состава народов СССР в его динамике не сводится только к историко-этногенетическим итогам. Соответствующие исследования популяций, приуроченных к разным экологическим нишам, характеризующимся геоморфологическим, ландшафтно-географическим и геохимическим своеобразием, продемонстрировали тонкую адаптивную сбалансированность человеческих популяций по отношению к среде их обитания. Их адаптивные особенности складываются в локальные сочетания морфофизиологических признаков, получившие наименование адаптивных типов⁴⁷. Каждый из них выражает приспособленность к определенному зональному или а зональному сочетанию экологических условий. Поэтому, строго говоря, адаптивные типы — это морфофизиологические экотипы. Будучи разработан на антропологических материалах с территории СССР, концепция адаптивных типов была затем распространена на всю ойкумену и получила подтверждение в результатах антропологических исследований многих областей земного шара⁴⁸. Они позволили наметить и хронологическую последовательность возникновения отдельных адаптивных типов⁴⁹.

Нельзя не сказать о том, чего еще не сделано в полной мере и что еще предстоит изучить. Важнейшей проблемой является изменение физического типа человека во времени. Пути изменений устанавливаются с помощью палеоантропологических материалов, а также в результате повторных исследований современного населения, осуществляемых периодически через определенные интервалы времени. Эти исследования выявили факт кардинального значения — ускорение процессов роста и полового созревания в современную эпоху, особенно интенсивное у городского населения СССР⁵⁰. Явление это имеет огромную важность для установления истинного биологического возраста человека, дозирования нагрузок в детском возрасте и, следовательно, для выработки рациональной системы физического воспитания и обучения. С другой стороны, остается абсолютно неясным, как ускорение роста и полового соз-

⁴⁴ Особенно много сделал в этом отношении Ю. Г. Рычков. См. серию его статей как индивидуальных, так и с соавторами на страницах «Вопросов антропологии». В известной степени итоговые работы: *Rychkov Yu., Sheremet'yeva V. The Genetic Process in the System of Ancient Human Isolates in North Asia//Population Structure and Human Variation. Cambridge — London — New York — Melbourne, 1977; idem. The Genetics of Circumpolar Populations of Eurasia Related to the Problem of Human Adaptation//The Human Biology of Circumpolar Populations. Cambridge — London — New York — Melbourne — Sydney, 1980.*

⁴⁵ *Коростылев А. П., Малютов М. Б.* Об оценке коэффициентов приспособительности генотипов с помощью оценки стационарного распределения частот генов//Применение статистических методов в задачах популяционной генетики. Вып. 49. М., 1975; *Рычков Ю. Г.* Определение давления естественного отбора на генотипы групп крови АВО по данным о генетической структуре популяций человека в Северной Азии// Там же.

⁴⁶ См. об этом серию предварительных сообщений: *Алексеев В. П.* Антропологические исследования на Чукотке в 1970 г.//Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1970 году. М., 1971; *его же.* Антропологические исследования на Чукотке в 1971 году//Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1971 году. Вып. II, М., 1972; *его же.* Антропологические исследования на Камчатке в 1972 г. Новое в этнографических и антропологических исследованиях//Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1972 г., ч. II, М., 1974; *его же.* Антропологические исследования на Камчатке//Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1974 г. М., 1975.

⁴⁷ Помимо книг, приведенных в прим. 35, см.: *Алексеева Т. И.* Проблема биологической адаптации человека//Природа. 1975. № 6.

⁴⁸ В этих книгах содержатся списки публикаций региональных данных.

⁴⁹ *Алексеева Т. И.* Адаптивные процессы в популяциях человека.

⁵⁰ См., например: Рост и развитие ребенка по данным антропологии. М., 1973.

ревания связано с формированием человеческой психики, не оказывает ли оно влияния на продолжительность жизни и т. д.

Проблема, которая также ввиду своей актуальности действительно требует скорейшей разработки и решения,—целостность человеческого организма, что в рамках антропологии отражается в учении о конституции, компонентах тела, физическом развитии. Постоянно накапливая фактический материал в этой области⁵¹, советские антропологи интерпретируют его в духе идей, система которых была развита еще 40—50 лет назад. Обновление теоретической базы в учении о конституции и увязка его с достижениями биохимии человеческого организма — настоятельное требование сегодняшнего дня, так как только это позволит вплотную подойти к пониманию наиболее интимных процессов формирования и в то же время достаточно полно вскрыть закономерности реакций человеческого организма на воздействия среды как в общем, так и конкретно в географических рамках Советского Союза.

Выше был дан краткий обзор крупных региональных монографий, обобщавших все имевшиеся данные по тому или иному району. К нему нужно добавить, что за каждой из перечисленных выше книг стоят десятки и сотни публикаций многих авторов по частным вопросам. Как мы убедились, ряд важных материалов остается неопубликованным. Даже региональных монографических публикаций накопилось уже такое количество и в них собрана такая богатая информация, что охватить ее становится все труднее и труднее. Все это настоятельно ставит на повестку дня необходимость создания обобщающего издания, которое охватило бы на современном уровне весь накопленный материал по антропологии СССР, привело его в систему, увязало с уже достигнутыми результатами изучения народов СССР в историко-этнологическом отношении. Идея такого издания зародилась в Отделе антропологии Института этнографии АН СССР. Она сразу же реализовалась в мысли создать многотомный коллективный труд, в подготовке и написании которого приняли бы участие многочисленные специалисты не только различных учреждений, но и Академий наук союзных республик. План и характер будущего издания неоднократно обсуждались, его проспект был утвержден сначала на совещании в Ленинградской части Института этнографии АН СССР в феврале 1985 г. и затем в дополненном виде — на совещании в Институте этнографии АН СССР в Москве в декабре 1985 г.

Если обратиться к зарубежному опыту составления крупных обобщающих работ по антропологии отдельных материков или земного шара в целом, то он невелик и насчитывает всего лишь несколько серьезных изданий. В качестве первого из них можно, пожалуй, назвать большую книгу немецкого исследователя Э. Айкштедта о расовой истории человечества⁵². Позже он выпустил огромный том, специально посвященный Восточной и частично Юго-Восточной Азии⁵³. Обилие использованных данных, широта подхода к проблеме генезиса выделяемых им антропологических типов, опирающегося не только на палеоантропологические данные, но и на иконографию и исторические сведения о физических особенностях древних народов, выгодно характеризуют эти книги. Но в теоретическом отношении они абсолютно неприемлемы — он отдал дань расистской идеологии и рассматривает в культуртрегерском плане любые формы расселения европеоидов.

В 1941 г. вышли на итальянском языке под редакцией Р. Биасутти три тома общего описания рас и народов Земли, позже выдержавшие еще два издания⁵⁴. Этот трехтомник, превратившийся в последнем издании в четырехтомник, роскошно издан, снабжен большим числом инте-

⁵¹ См., например: *Клирин А. И., Чтецов В. П.* Биологические проблемы учения о конституциях человека. Л., 1979.

⁵² *Eickstedt E.* Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934.

⁵³ *Eickstedt E.* Rassendynamik von Ostasien China und Japan, Thai und Khmer von der Zeit bis heute. Berlin, 1944.

⁵⁴ *Biasutti R.* Le razze e i popoli della terra. T. I—III. Torino, 1941.

ресно выполненных фотографий лиц разных рас и национальностей; помещенные в нем карты мировых вариаций отдельных признаков неоднократно перепечатывались в разных антропологических публикациях⁵⁵. Но ему явно не хватает документальной оснащенности; для характеристики локальных антропологических вариантов использованы по большей части длина тела, черепной или головной и лицевой указатели, пигментация характеризуется не количественно, а в качественных описательных понятиях. Кроме краткого очерка истории ископаемых гоминид, в первом томе почти полностью оставлен без внимания палеоантропологический материал. Место, уделенное антропологическому составу Европы, несопоставимо больше, чем объем, отведенный антропологической характеристике других материков, что может найти известное оправдание в лучшей изученности антропологии Европы, но мало приемлемо с теоретической точки зрения. Таким образом, и это обширное сочинение небезупречно во многих отношениях.

Кое-что из того, что сказано о книгах под редакцией Р. Биасутти, можно повторить и о двухтомнике, вышедшем под редакцией Р. Бош-Гимперы на испанском языке⁵⁶. Качество издания и сопровождающие его цветные фотографии выше всяких похвал, но антропологический текст занимает в нем подчиненное положение. Он популярно написан и легко читается, что нужно отнести к несомненному достоинству издания, но очень облегчен и мало фундирован в научном отношении, характеристики антропологических комплексов даны в описательных терминах, без какого-либо использования количественных данных. По сути дела это не специально антропологическое, а скорее этнографическое описание народов Европы, в котором велик удельный вес рассмотрения ее антропологического состава. Генезис и взаимоотношения выделенных на территории Европы антропологических комплексов оцениваются достаточно традиционно, в основном в рамках подходов, разработанных немецкими антропологами, палеоантропологический материал при этой оценке оставлен в стороне, как и в предыдущем рассмотренном нами издании.

Большое внимание мировой антропологической и этнографической общественности привлекли три книги американского антрополога К. Куна, посвященные антропологической характеристике Европы и затем населения всего земного шара⁵⁷. Написанные одним из крупнейших представителей антропологической науки середины века живо и интересно, эти книги основаны на огромном количестве конкретного антропологического материала, умело извлеченного из мировой литературы, и обширных собственных наблюдений над антропологическим составом разных районов земного шара. Для народов Европы К. Кун разработал оригинальную антропологическую классификацию и попытался, используя всю полноту палеоантропологической информации, проследить генезис выделенных антропологических компонентов и их хронологические и исторические взаимоотношения. Поэтому книга его об антропологии Европы до сих пор сохраняет большое научное значение и, хотя она и устарела к настоящему времени по фактическому материалу, остается неоценимой сводкой старых данных. Этого нельзя повторить о книгах, посвященных антропологическому составу земного шара. Они связаны одна с другой по содержанию и составляют как бы два тома одного издания. Но при всем богатстве их содержания, полноте фактического материала, тонкости многих конкретных наблюдений и выводов они вызывают серьезные теоретические возражения, затрагивающие самые основы идеологических течений в расоведении. Все рецензенты первой из рассматриваемых книг К. Куна (рецензии на нее были опубликованы

⁵⁵ См., например: *Lundman B. Geographische Anthropologie. Stuttgart, 1968.*

⁵⁶ *Bosch-Gimpera P. Las razas humanas. Barselona, 1945.*

⁵⁷ *Coon C. The Races of Europe. N. Y., 1939; idem. The Origin of Races. L., 1963; idem. The Living Races of Man. N. Y., 1965.*

в США, Канаде и СССР⁵⁸) единогласно отметили расистский налет на подходе автора к генеалогии рас, хотя сам автор это решительно отрицал. Поэтому книги эти и сейчас приводятся в качестве примера того, как даже объективно мыслящий исследователь при недостаточной осторожности и недостаточном внимании к своим формулировкам незаметно допускает расистские высказывания, чем дискредитирует и себя, и представляемую им науку.

Сейчас мы переходим к сегодняшнему дню, и нам остается рассмотреть два продолжающиеся издания. Одно из них «*Rassengeschichte der Menschheit*» было основано К. Заллером и продолжает после его смерти выходить под редакцией И. Швидецкой. Каждый из выпусков этого издания посвящен той или иной территории земного шара и написан, как правило, антропологами, проживающими в тех странах, которые они описывают. Территории СССР посвящены две работы: антропологии европейской части СССР — работа В. В. Бунака⁵⁹, она входит в тот же выпуск, что и антропологические характеристики Скандинавии и Исландии, азиатская часть СССР описана В. П. Алексеевым и И. И. Гохманом⁶⁰, и это описание составляет самостоятельный выпуск.

Все издание снабжено значительным числом таблиц, картами вариацй отдельных признаков и в смысле фактической оснащенности и полноты выгодно отличается от всех перечисленных выше региональных и мировых сводок, будучи сравнимо по полноценности своей документальной базы с книгой К. Куна об антропологии рас Европы. Но обилие авторов привело к тому, что в теоретическом отношении оно характеризуется известным эклектизмом, и это отразилось не только в различиях авторских позиций в ряде ключевых вопросов расоведения, но даже и в подборе краниологических и соматологических признаков для характеристики, сравнительной полноте, с которой представлены палеоантропологические и соматологические данные и т. д. В целом все же это очень серьезная сводка, отличающаяся высокой тщательностью и строгой научностью в подаче материала и похвальной осторожностью в его трактовке.

Второе продолжающееся издание «*A föld népei*» («Народы Земли») принадлежит перу И. Кисели и выходит на венгерском языке. Пока изданы два тома, посвященные Европе и Азии⁶¹, а издание в целом рассчитано на пять томов. По парадности внешнего оформления, обилию многоцветных фотопортретов представителей разных расовых типов оба опубликованных тома могут сравниться лишь с книгами, изданными под редакцией П. Бош-Гимперы. Автор широко использовал античную живопись и скульптуру, а также скульптурные изображения человеческого лица в археологическом материале в целом, что составляет его несомненную заслугу. Но конкретные метрические данные представлены очень слабо, расовая классификация традиционна, проблемы генетических взаимоотношений расовых типов разобраны также в высшей степени традиционно, без учета всей сложности существующих дискуссий. Поэтому это обширное издание носит полностью популярный характер и лишено серьезного научного значения.

В предыдущем обзоре кратко охарактеризованы достоинства и недостатки основных сводных работ по антропологии мира и отдельных его крупных областей. Их список можно было бы без труда увеличить, но в этом нет необходимости. «Антропология СССР» старается вобрать в себя опыт лучших изданий и в то же время избежать их недостатков.

Каким должен быть характер издания, какие основные принципы положены в его основу и реализуются в процессе подготовки к печати? Следует отметить пять моментов, которыми неукоснительно руководст-

⁵⁸ Они были написаны выдающимися биологами и антропологами — А. Монтэгу, Л. Ошинским, Т. Добжанским, Я. Я. Рогинским и др.

⁵⁹ *Bunak V. Rassengeschichte Osteuropas//Rassengeschichte der Menschheit. Lieferung 4. München — Wien, 1976.*

⁶⁰ См. прим. 30.

⁶¹ *Kiszely I. A föld népei. 1. Europa. Budapest, 1979; 2. Azsia. Budapest, 1984.*

вуются авторы и редколлегия во всех томах предполагаемого издания.

Планируемая серия книг посвящена в первую очередь живым людям, современникам, а не древним народам СССР, хотя и оставившим потомков, но исчезнувшим с лица земли. Палеоантропологический материал привлекается широко и многосторонне, но лишь после того, как будут освещены антропологические особенности современного населения той или иной территории. Он используется для реконструкции генезиса антропологических компонентов в составе современных народов, и перехода к трактовке этногенетических проблем в свете антропологических данных.

Предполагается создать исчерпывающую сводку данных с максимально полными антропологическими характеристиками современных и древних популяций. Однако, это не означает, что в таблицах к отдельным томам будут воспроизведены все цифры, которые когда-либо были опубликованы в отдельных статьях. Исчерпывающая проработка данных предполагает их разумный отбор, с которого нужно порою начинать антропологическую характеристику любого народа. Более того — экономия в табличной информации, опирающаяся на предшествующий анализ качества данных, позволяет более выразительно и наглядно представить вариации дифференцирующих признаков, их соотношения в разных группах, а, следовательно, и их таксономический вес.

Создание сводной работы такого объема потребовало реализации всего опыта расогенетических исследований, накопленного советскими антропологами. Поэтому методологическая сторона антропологических исследований, теоретические положения, выдвинутые и защищаемые советскими антропологами, критический разбор взглядов буржуазных ученых, когда они высказывались по проблемам расогенеза на территории СССР, генезиса и динамики антропологического состава народов СССР, должны найти по возможности полное отражение во всех томах планируемой сводной работы по антропологии СССР. Теоретические принципы советской антропологической школы будут аргументированы всей совокупностью конкретных данных, рассмотренных в отдельных томах.

Ценность подобного сводного издания велика сама по себе, так как оно при масштабности территории Советского Союза, многочисленности и разнообразии населяющих его народов заполняет огромный пробел в антропологической характеристике населения земного шара. Но ценность эта еще повышается, если учесть, что вся собранная информация направлена на решение вопросов этногенеза и этнической истории. Разумеется, антропологический материал один не разрешает всех этих вопросов, но при их сложности и комплексности на это не может претендовать ни один вид исторических источников. В то же время глубокие генетические связи и истоки происхождения современных народов освещаются с наибольшей полнотой именно с помощью антропологических, в наибольшей степени — с помощью палеоантропологических данных.

Наконец, последнее касается не содержания, а формы издания, и тем не менее составляет его принципиальную важную особенность. К. А. Тимирязев еще в конце прошлого века любил повторять, что «нужно работать для науки и писать для народа». Эти слова в высокой степени справедливы для любого научного исследования. Сводное издание по антропологии СССР рассчитано на специалистов-антропологов и представителей смежных областей знания, но не в меньшей мере оно готовится таким образом, чтобы его смог прочитать любой читатель, интересующийся физическим типом современных народов, населяющих нашу страну, динамикой физических особенностей древнего населения СССР во времени, родством древних и современных народов и их генезисом. Поэтому всему изложению будет придан по возможности популярный характер, и оно построено так, чтобы сложные специальные темы могли быть пропущены при чтении без ущерба для понимания сквозных идей и выводов.

Вся серия рассчитана на семь томов. В географическом распределении материала авторы и редколлегия руководствуются теми принципами, которые были последовательно проведены в завоевавшем широкую известность монументальном издании Института этнографии АН СССР «Народы мира», в тех его томах, которые были посвящены народам СССР.

Огромная территория Советского Союза, обилие собранных данных и их разработка под единым углом зрения позволяют рассматривать «Антропологию СССР» как первый и необходимый шаг к обобщению антропологических данных в мировом масштабе с последующей попыткой его реализации в написанной с марксистских позиций многотомной «Антропологии земного шара». Но для реализации этого плана крайне желательно было бы перенесение методики нашей работы на население зарубежных территорий: пока с соблюдением этих методических принципов и приемов изучены этнические группы Кубы, Афганистана, Монголии, Индии и Вьетнама. Абсолютно необходимо усиление мощности применяемого статистического аппарата и более совершенное приспособление его для нужд территориального антропологического исследования. На очереди стоит создание банка данных по антропологии СССР, а по мере расширения масштабов работы — и банка данных по антропологии популяций земного шара. Только после этого и можно будет приступить к созданию сводного труда по антропологии мира, о котором только что было сказано и который опирался бы на методологические принципы и исследовательский опыт советских антропологов, как они сформулированы в трудах основоположников советской антропологии — В. В. Бунака, А. И. Ярхо, Г. Ф. Дебеца и М. Г. Левина.

В. К. Бондарчик, В. Н. Белявина

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ БЕЛОРУССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

В последние два десятилетия в исследовании этнических процессов в СССР все более значительное место занимают вопросы этнокультурного развития городского населения. Причины такого внимания закономерны в связи с ростом процесса урбанизации и увеличением доли городского населения во всех регионах страны.

В 1913 году горожане составляли всего 14% жителей Белоруссии, в 1940 — 21, в 1959 — 31, в 1970 — 43, в 1979 — 55, а к началу 1985 г. — уже 63%¹. Причем в послевоенный период темпы роста городского населения в БССР были значительно выше общесоюзных. Так, если в среднем по стране с 1959 по 1970 г. численность горожан возросла на 8%, то в БССР — на 12%, с 1970 по 1979 г. в СССР — на 6%, в БССР — на 12%².

На территории Белоруссии города уже с момента выделения в особый вид поселений имели обычно более сложный этнический и социальный состав, чем население в окрестных селах³. В Бресте, например, уже во второй половине XVI — первой половине XVII в. кроме коренного населения и выходцев из русских, украинских, польских, литовских земель

¹ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 г.//Статистический ежегодник. Минск, 1986. С. 3.

² Народное хозяйство СССР в 1980 г.//Статистический ежегодник. М., 1981. С. 7; Народное хозяйство Белорусской ССР в 1980 г.//Статистический ежегодник. Минск, 1981. С. 7.

³ Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. Город и этнические процессы (из опыта этнографического изучения восточнославянских городов)//Сов. этнография. 1984. № 2. С. 3.